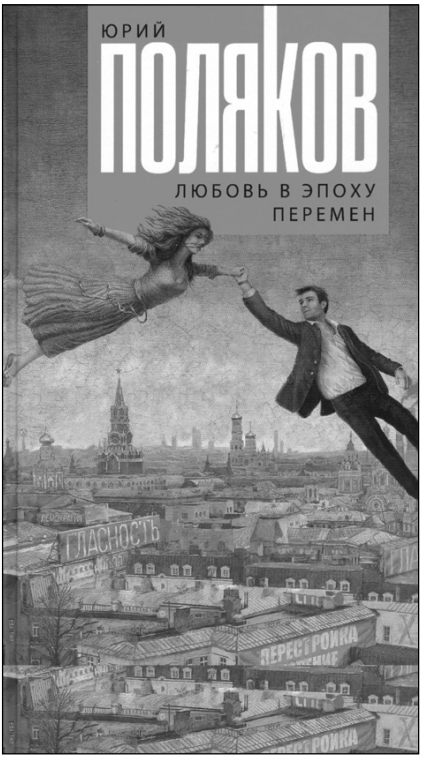
И читателями, и критиками было уже давно подмечено, что темы для своих произведений писатель Юрий Поляков чаще всего выбирает, отталкиваясь от собственного жизненного опыта. Именно личные впечатления от действительной армейской службы подтолкнули его в свое время к созданию повести «Сто дней до приказа»; последовавшая затем работа в райкоме комсомола нашла отражение в повести «ЧП районного масштаба»; непродолжительная педагогическая деятельность в средней школе породила «Работу над ошибками», а процесс неуемной и непрерывной работы писательской фантазии весьма своеобразно отразился в «Гипсовом трубаче»...

И — что примечательно — почти в каждом новом произведении писатель всегда обращался к какой-то новой сфере жизни. Очередной роман не стал исключением. Объект изображения совершенно новый: писатель попытался пристально всмотреться в положение дел в отечественной журналистике — с учетом всех изменений, произошедших у нас в последние десятилетия.

Нет необходимости объяснять, что подтолкнуло автора к этому не что иное, как многолетний опыт работы в большой общероссийской газете.

Поляков Ю.М. Любовь в эпоху перемен. — М.: Издательство АСТ, 2015. — 512 с.



Основное действие романа происходит в наши дни (есть даже прямое указание на 2013 год). Одновременно идут воспоминания о событиях четвертьвековой давности (столь же четко обозначен год 1988-й).

Главным героем является разменявший недавно шестой десяток Геннадий Павлович Скорятин — главный редактор престижного и широко известного в стране издания — еженедельника «Мы и мир» (на журналистском жаргоне — «Мымра»).

Давным-давно, весной 1988-го, молодой корреспондент «Мымры» Гена Скорятин был командирован в провинциальный волжский Тихославль якобы разобраться в поступившей оттуда жалобе (а на самом деле — собрать компромат на секретаря местного обкома). Именно там-то Гене и пришлось пережить все те события, которые вновь всплыли в памяти главного редактора через годы...

Страницы, посвященные тихославльской поездке, как нельзя лучше передают атмосферу первых лет перестройки.

Уже давно на слуху слова «гласность», «ускорение», «плюрализм»... А вокруг — безрадостная действительность последних советских лет: бездорожье, пустые магазинные полки, талонная система и неудобства, связанные с антиалкогольным указом. В стране еще не сняты цензура и партийный контроль, но уже прочитана статья экономиста Н. Шмелева «Авансы и долги», а зал городской библиотеки до отказа набит людьми, пришедшими послушать московского журналиста. При этом само выступление на этой встрече Гены Скорятина являет собой типичный образчик демагогической фразеологии первых лет перестройки.

В столице же, куда затем возвращается Скорятин, начавшиеся процессы приобретают с каждым годом все больший размах. У людей нарастает недовольство своей жизнью, и они все больше жаждут перемен, даже не догадываясь еще, чем могут обернуться для них эти перемены.

А тем временем сильные политические потрясения, всколыхнувшие в те годы все общество, активно побуждали людей, напрямую связанных со СМИ, как можно скорее определиться со своей позицией. Впрочем, не только побуждали. Иногда и принуждали. (Чего стоит, например, производимое под скрытым нажимом совместное выбрасывание сотрудниками редакции своих партбилетов в мусорную корзину).

Если в начале перестройки в редакции наблюдалось противостояние между фракциями «лабазников» и «отказников» («патриотов» и «либералов»), то впоследствии в «Мымру» нагрянули «наоборотники», охваченные стремлением всячески оплевывать свое Отечество, выискивая в нем только темные стороны и низвергая все то, что раньше было свято. «Если раньше Запад считался угрозой миру, а СССР — оплотом человечества, то теперь все стало наоборот: мы — империя зла, а они — жены-мироносицы. Если раньше Зоя Космодемьянская была героиней, то теперь стала дурой-пироманкой, спалившей сено, припасенное колхозниками для лошадок. Если совки держали генерала Власова за предателя, значит, новые

золотые перья выписывали из него борца с тиранией. Если прежде гордились космическими достижениями СССР, то теперь вместо орбитальной станции советовали учредить на вокзалах страны новые чистые сортиры».

Наблюдая за тем, как быстро в нашем обществе происходит смена оценочных знаков, Скорятин все больше укрепляется во мнении, что «наоборотников» ни в коем случае нельзя допускать к власти. «Но как раз рулить страной они жаждут». Между тем как в стране острый дефицит государственно мыслящих людей, — той породы людей, которую за годы перестройки почти что свели на нет.

И лишь только в самое последнее время стало появляться понемногу понимание того, что «державу после самопогрома надо восстанавливать». Одним из первых понял это, например, Дронов, которого всеми силами стремятся устранить олигархи типа Кочмарика. Человек, близкий к властным кругам, Дронов разработал хитроумный план «виртуальной либерализации России», позволяющий тихо и без лишнего шума начать восстанавливать былую мощь державы...

Обо всем этом вспоминает Геннадий Павлович Скорятин в своем кабинете главного редактора, придавленный тяжким грузом мучительных проблем — как производственных, так и глубоко личных.

...Он вспоминает, как выпускалась газета в советские годы. Как каждый раз после выхода очередного номера главный редактор с содроганием сердца ожидал звонка из высших партийных инстанций с серьезной нахлобучкой за какой-либо допущенный идеологический просчет.

В ту пору за действиями сотрудников редакций партия следила достаточно строго, и журналисты зачастую больше всего на свете боялись попасть под страшное постановление ЦК КПСС «О работе с письмами трудящихся»: за неотправленный вовремя ответ ничтожному жалобщику можно было не только получить выговор, но и вылететь с работы. Совсем не то, что нынче! «Нынче, — внутренне вздыхает Скорятин, — хоть все письма, не читая, сваливай в мусор — никто не заметит, всем наплевать... Теперь никому ничего не надо, кроме денег, теперь, блин, демократия: не нравится власть — не выбирай. Она сама себя выберет. На то и урны. Поэтому пресса почти разнадобилась — держат так, для приличия, чтобы на переговорах западные умники не доставали».

Да и того потока писем, что шел когда-то в газету, уже давно нет. «Когда-то, на заре гласности, в «Мымру» тянулись ходоки со всего СССР — за правдой, защитой, помощью, советом...

А после 1991-го люди сникли, разуверились, отупели, выживая, и не стало проектов скорейшего процветания, безумных идей блаженной справедливости, замысловатых подпольных изобретений. Ничего не стало. Слишком жестоким оказалось разочарование. Даже жалуются теперь в газету редко: не верят, что помогут. Несправедливость стала образом жизни».

Усиливающееся раздражение вызывают у Скорятина и сильно расплодившиеся у нас за последнее время менеджеры, которых автор метко и хлестко именует словом «паразитариат». Представитель этой когорты «знает все и не умеет ничего, может только контролировать финансовые потоки, что в переводе на обыкновенный язык означает: воровать заработанное другими». И при этом паразитарии «никогда не признают своих ошибок, промахов, а то и просто глупостей». Именно такой предстает в романе главный директор «Мымры» — Заходырка. Вчерашняя кордебалетчица, наскоро закончившая какие-то бухгалтерские курсы, действует совершенно беспардонно и начинает жестко подминать под себя все и всех в редакции, при этом совершенно не разбираясь в специфике журналистской работы и оценивая все исключительно лишь с финансовой стороны. Так, например, исходя из соображений экономии, она требует срочно сократить пять штатных единиц и указывает в качестве глав-

ных кандидатур журналистов старшей возрастной группы, мотивируя это тем, что иные из них попросту не владеют компьютером и пишут от руки. На замечание же главного редактора, что многие из набранных ею молодых сотрудников вообще ничего путного написать не способны, Заходырка резко бросает: «Тем, кто не умеет читать, умеющие писать не нужны. Достаточно картинок с подписями».

Однако ничего поделать с Заходыркой Скорятин не в силах, потому что она любовница банкира Кочмарика, который в настоящий момент является хозяином «Мымры». («Богатый человек купил себе игрушку — газету. Хочет — забавляется, хочет — на помойку выбрасывает или продает. Частная собственность»). По этой самой причине журналисты в наши дни не только подвергаются опасности со стороны криминальных элементов, но в немалой степени еще и страдают от толстосумов, покупающих для себя, развлечения ради, те или иные средства массовой информации.

Воспроизводя в романе картины обычной повседневной редакционной суеты, Ю. Поляков вскрывает изнанку современной журналистики и, само собой разумеется, затрагивает при этом проблемы власти, политики, «черного пиара»...

Не менее интересны в романе и страницы, посвященные проблеме межличностных и внутрисемейных отношений. Последнее всегда было сильной стороной произведений Ю. Полякова, так что, встречаясь с этим в новом романе, мы уже воспринимаем все как должное.

Щедро рассыпанные по всему тексту многочисленные бытовые и эротические детали, неожиданные сюжетные повороты делают роман интересным и увлекательным.

Сравнения (излюбленный прием Ю. Полякова) всегда оригинальны и неожиданны.

Зачастую те замечания, которые делаются автором, казалось бы, вскользь, попутно, оказываются куда интереснее и значительнее, чем сами описываемые события.

Нередко попадаются фразы, отличающиеся меткой афористичностью. Например: «Каждый считает свободой свое право говорить то, что хочется, и не слышать того, с кем не согласен». Или: «Людям нравится, когда автор еще глупее, чем они сами».

Примечательной особенностью последнего романа Ю. Полякова является то, что автор использовал в нем довольно много деталей, уже хорошо знакомых нам по предшествующим его произведениям.

К примеру, Гена Скорятин в молодости во многом повторяет Валеру Чистякова из «Апофегея». Вступая в жизнь и строя планы на будущее, оба видят его приблизительно в одном и том же свете. «Лежа на узкой солдатской койке, Скорятин мог часами мечтать о чем-то беспредметно-нежном и бесформенно-грандиозном, в его фантазиях отзывчивая девичья красота переплеталась с земной славой». Таков же и Чистяков, не спешивший в свои студенческие годы размениваться на разные мелкие любовные похождения («Большая наука могла сосуществовать в его душе только с большой любовью»). Бросается в глаза и то, что в судьбах обоих этих героев повторяется ситуация женитьбы парня из простой трудовой семьи на девушке из более высоких слоев тогдашнего советского общества.

Как и Валера Чистяков из «Апофегея», Гена Скорятин испытывает панический страх перед возможностью потерять свой партбилет. («В поезде, несмотря на алкогольную беспечность, он засунул билет вместе с кошельком в наволочку и несколько раз вскидывался ночью — проверял, на месте ли. Серьезная книжонка, потеряешь — держись! Сколько карьер и судеб поломали, как макароны над кастрюлей, из-за утраченного партбилета»).

Обстоятельства вступления Валеры Чистякова в партию (вступил по настоянию замполита, от которого в тот момент требовалось непременно принять в партию одного солдата-срочника) полностью повторяются в биографии заведующего отделом агитации и пропаганды Тихославльского райкома партии Ильи Колобкова.

Упоминание о деревянном протезе изгнанного из «Мымры» Рената Касимова, заставляющем вспомнить ушедшее уже поколение фронтовиков-инвалидов, в свое время очень успешно было использовано Ю. Поляковым в романе «Замыслил я побег...».

Некоторые подробности поездки Гены Скорятина в Чикаго на Форум восходящих лидеров сразу же вызывают в памяти сходные моменты из «Парижской любви Кости Гуманкова» (скажем, то, что черную икру иностранцам предлагать для продажи предпочтительнее в стеклянных баночках).

О факте частично неточного цитирования пушкинской строки «О, как мучительно тобою счастлив я...» Ю. Поляков писал 24 года назад в своей статье «Об эротическом ликбезе, и не только о нем».

Ироническое же замечание редактора Шабельского: «Реже всего видят мужей жены разведчиков. На втором месте журналисты», — ранее уже встречалось в «ЧП районного масштаба». Но только там на втором месте были супруги комсомольских работников. Впрочем, в новом романе встречается и прямая отсылка к этой повести — с упоминанием заглавия, но без указания имени автора.

Хотя от внимательного читателя навряд ли ускользнуло и то, что автор промелькнул-таки самолично на страницах своего нового произведения — в том месте, где в составе советской делегации, вылетевшей в Штаты, появляется некий «пузатый борзописец, успевший в журнале «Юность» уязвить комсомол, школу и армию».

Делая вид, что якобы хочет пояснить главную мысль своего романа, Ю. Поляков предваряет произведение эпиграфом, который представляет собой стилизованное под китайскую поэзию четверостишие, заканчивающееся словами: «Грустна любовь в эпоху перемен...» Для пущей убедительности даже приводится имя автора — Сун Цзы Ло. (В действительности это просто один из персонажей — Володя Сунзиловский).

Был, конечно, во всем этом и игровой момент, но все же исходя из названия романа предполагалось как бы само собой разумеющимся, что любовная линия сюжета будет куда более неразрывно связана с перестроечными процессами, а может быть, и полностью обусловлена ими.

Трудно не согласиться, что сам по себе замысел был действительно великолепен: показать перестройку через любовную драму или даже трагедию. Однако на деле вышло нечто иное. Перестройка здесь как бы сама по себе, а любовь сама по себе. Точно по такому же сценарию любовные отношения Гены Скорятина и Зои Мятлевой вполне бы могли развиваться и в 1978-м, и в 1998-м... К тому же внутренние душевные переживания Гены Скорятина переданы достаточно бегло. А это не позволяет читателю глубоко проникнуться его настроением. В результате нет чувства щемящей боли от несостоявшейся любви, что прекрасно удавалось автору раньше — и в «Апофегее», и в «Парижской любви Кости Гуманкова», и в «Демгородке», и даже в «Гипсовом трубаче»...